

Правитель Малороссии

К чему стремился и чего достиг
фельдмаршал П. А. Румянцев?

Предыстория

Начнем с предыстории, без которой суть будет непонятной.

Летом 1764 года, засидевшись в Петербурге и его окрестностях, Румянцев с радостью отбыл к берегам Балтийского моря по служебной необходимости. К тому времени он уже был прославленным полководцем, не раз побеждавшим лучшую в мире армию — прусскую. Но после падения Петра III его положение при дворе стало зыбким. Румянцев считался выдвинутым покойной императрицы Елизаветы Петровны и любимцем недолго процарствовавшего Петра III, который доверил полководцу поход на Данию — во имя Голштинских интересов. Поход не состоялся, императора быстро низложили, а недоверие Екатерины и ее «орлов» к Румянцеву продолжалось долго.

И вот — новое назначение. Дивизия, командиром которой он стал, располагалась в районе Ревеля (Таллина) — и Румянцев с молодецким усердием принялся обучать войска. Тут и боевой опыт Семилетней войны пригодился, и раздумья последних месяцев относительного бездействия. Ему предстояло выдержать ответственный экзамен: сама императрица в сопровождении знатных русских и иностранных вельмож, послов и генералов намеревалась посетить показательные учения румянцевской дивизии. То было одно из первых познавательных и пропагандистских путешествий императрицы — для начала она ознакомилась с Эстляндией и Лифляндией.

Места стратегически важные. Неподалеку Швеция, с которой Россия уже воевала — и не в последний раз: впереди были еще две крупные войны XVIII столетия — кампании 1741—1743 и 1787—1790 годов; а в последний раз русские и шведы скрестили шпаги в 1808—1809 годах. Не за горами были и воинственная Пруссия, и Речь Посполитая, входившая в сферу российского влияния. Подобных поездок по разным краям России Екатерина предпримет несколько — эта традиция будет продолжаться на протяжении всего ее царствования. Поездки сопровождалась щедрыми пожертвованиями, наградами, но и на недостатки императрица не закрывала глаза, высматривала, чтобы позже принять меры.

ЗАМОСТЬЯНОВ Арсений Александрович — шеф-редактор приложения к «Литературной газете» «Настоящее прошлое».

Ключевые слова: П. А. Румянцев, Российская империя, история России, история XVIII века, Малороссия, Украина, императорская администрация, запорожское казачество, украинское дворянство, Екатерина II.

Екатерина стремилась на всю Европу продемонстрировать непарадную выучку и удаль русской армии, мастерство генералов. Неспроста на роль «визитной карточки» нашего воинства был избран Румянцев — здесь подразумевается и признание боевых заслуг, и знак высочайшего доверия, на которое Петр Александрович, возможно, и не рассчитывал.

Дивизия выстроилась перед гостями: пять пехотных полков, два кавалерийских. Обмундирование и выправка казались безукоризненными. Но главное — учения. Для спектакля дивизия разделилась на две половины — и началась военная игра, вполне серьезная и даже опасная для участников. А день-то был знаменательный: 27 июня (по новому стилю, как принято считать, — 8 июля), день Полтавской виктории. Никто не забыл эту дату! И образ Петра Великого реял над эстонской землей, над войсками Румянцева. И войска Румянцева повторяли расположение войск при Полтавской битве. Публика впивалась глазами в захватывающую живую картину, а в ушах гудел гром орудий.

Войска действовали умело и вдохновенно. Ни у кого не возникло сомнений: Румянцев не осрамился, учения произвели должное впечатление. После военной игры полки бравым парадным строем, под развернутыми знаменами прошли перед императрицей и ее гостями. А командовал парадом он, генерал-аншеф Румянцев. Многие увидели в этом полтавском празднике знак: если быть войне, этот генерал сыграет в боевых действиях главную роль. С тех пор на второстепенных ролях образцово-показательный генерал Румянцев не пребывал. От первоначальной настороженности к любимому полководцу Петра III не осталось и следа. Он стал наиболее приближенным к императрице генералом, исключая фаворитов. А ведь перед «полтавскими» учениями у Румянцева не было и месяца, чтобы наладить дело в дивизии. Конечно, дело тут и в том, что грамотных и бывалых офицеров в армии насчитывалось куда поболее, чем до Семилетней войны. Румянцев не был одиночкой — но первым среди равных считался по праву.

А генералов, окружавших Екатерину, вполне устраивала ситуация, когда Петр Александрович служит подальше от столиц, поближе к границам. Там, где армейская выучка особенно потребна. Сам генерал-аншеф не стремился к придворным успехам. Но осень 1764 года ему пришлось провести в Петербурге, и разумеется, в официальных мероприятиях недостатка не было.

Управленческая система самодержавной России пребывала в двусмысленном положении: правление Екатерины многие все еще воспринимали как временное. Считалось, что, достигнув совершеннолетия, Павел Петрович должен стать императором. Пока что 20 сентября ему исполнилось 10 лет. На празднике в Зимнем дворце присутствовал и Румянцев. Судя по запискам воспитателя будущего императора Семена Андреевича Порошина, Григорий Орлов, бывая у Павла, рассказывал ему о военных победах Румянцева. Уважительно относился к Румянцеву и сам Порошин — и неудивительно, что наследник, интересовавшийся армейскими делами, захотел познакомиться со славным генералом. Встреча состоялась. Именитого полководца пригласили на обед к наследнику. Петр Александрович рассказывал о сражениях и беседовал с царевичем, как со взрослым, как с опытным воином — и конечно, как с сувереном. Павел считался шефом русского флота — и Румянцев ловко подчеркнул искусственность Павла в военно-морских делах. Русский Гамлет держался несколько нервно и, по обыкновению, запальчиво, но Румянцев ему понравился. Когда придет время Павлу ехать в Берлин, за неве-

стой, сопровождать его будет именно Румянцев. Наследник увидит, с каким почтением принимает русского полководца Фридрих Великий.

Назначение в Малороссию

Чего ждал Румянцев в Петербурге той осенью? Конечно, нового назначения. После кратковременного налета на Ревельскую дивизию его репутация улучшилась, но с назначением императрица почему-то не спешила. Причина ее промедления открылась вскоре: она уже приготовила для Петра Александровича службишку по способностям. 10 ноября вышел именной указ Сенату о возрождении Малороссийской коллегии. Ее когда-то учредил Петр Великий; но проработала коллегия всего лишь пять лет, и в 1727-м году ее упразднили. Нашлись другие рычаги управления Малороссией. Екатерина решила не просто возвратиться к петровской задумке — она планировала замирение очагов бунта и окончательное превращение Малороссии во внутрirosсийское географическое понятие. К тому же было принято во внимание, что в случае войны с Турцией те края должны будут граничить с театром военных действий.

Держать Румянцева в Петербурге смысла не имело, а скромная резиденция в Глухове раскрывала перед ним огромные возможности. Есть легенда: после смерти Румянцева в его бумагах нашли несколько секретных документов — в одном из них Екатерина предлагала ему гетманскую булаву. Румянцев предусмотрительно отказался от такой привилегии: он и так станет правителем Украины, но без атрибутов символической самостоятельности. А вот К. Г. Разумовский, помня о своих заслугах во дни борьбы против Петра III, обратился к Екатерине с просьбой ввести наследственное гетманство. Разумеется, такая монаршая милость закрепила бы его власть. Но Екатерина стремилась к обратному — к упразднению гетманства. И Румянцев угадал ее намерения, да и не грезил о булаве, другое дело — фельд-маршальский жезл.

Поссорить великороссов и малороссов, русских и украинцев, не раз пытались и честолюбцы, и геополитические противники, и обстоятельства. Во времена Ломоносова на политический климат в казачьих краях воздействовали и поляки, и турки, и крымские татары. Проявлялись и межрелигиозные столкновения — хотя с XVII века Православная церковь, с помощью Государства российского, уверенно отвоевывала позиции. На православное братство опирался и Румянцев — а как иначе? Сколько бы бурь ни пролетало над славянскими народами, более близких родственников, чем русские, у малороссов нет. И у русских нет никого ближе, чем сыны Украины. И по генетике, и по исторической судьбе, и по церковным традициям, и по культуре.

Есть ли нужда напоминать, что у трех нынешних восточноевропейских народов единый корень — Русь Киевская, Русь Новгородская? Братьев и соседей не выбирают, и поменять судьбу невозможно — в этом убеждались все противники единого русско-украинского государства. Однако в самоубийственном угаре наследники Древней Руси не раз обнажали оружие — и шел брат на брата. К румянцевским временам еще не зарубцевались раны войн XVII века, в которых принимали участие многотысячные армии — и на радость врагам малороссы сражались с великороссами. Румянцев не позволял себе и думать о возможном расколе империи: только укрепление, только умиротворение и накопление сил.

У политика в арсенале два вечных оружия: кнут и пряник. Кто заигрывался с нагайкой и забывал об ампулу «доброго следователя» — тех и след простыл, если пуля не догнала. Румянцев управлял Малороссией, как дивизией, разросшейся во все стороны.

Предшественник Румянцева — гетман Кирилл Григорьевич Разумовский, как-никак был коренным казаком. «Ея Императорского Величества гетман всея Малыя России, обоих сторон Днепра и войск запорожских, действительный камергер, Академии наук президент, лейб-гвардии Измайловского полку подполковник» — так титуловали любимца императрицы Елизаветы

Сколько бы бурь ни пролетало над славянскими народами, более близких родственников, чем русские, у малороссов нет. И у русских нет никого ближе, чем сыны Украины. И по генетике, и по исторической судьбе, и по церковным традициям, и по культуре.

Петровны, который в юности, как поговаривали, из волопасов взлетел во графы. В столицах Гетманщины — в Глухове и Батурине — он держался с царским размахом. Наладил придворные ритуалы, завел театры. В окружении гетмана все бойчее зазвучала

французская речь и замелькала французская мода. Бог весть откуда находились деньги на это великолепие — по крайней мере местные крестьяне от этого не стали зажиточнее.

На политику Екатерины в отношении Украины усиленно влиял Григорий Николаевич Теплов — он проехался по Малороссии еще в начале правления Разумовского. Теплов оставил немало записок, посвященных обустройству Малороссии, и они пришлись по нраву новой императрице — ибо не было более яростного борца с самостийщиной, чем Теплов. Фигура занятая, полубабытая — он заслуживает отдельного разговора. Фамилия говорит сама за себя: будущий тайный советник родился в семье истопника. Не аристократ, но мужик, один из выдвиненцев Феофана Прокоповича. Такие, как Теплов, должны были продолжить петровский прорыв империи — но жизнь немилосердно рассеяла ретивых. Проявить себя на государственном поприще сумели немногие — и Григорий Николаевич в первую очередь. Ученый, агроном, наконец, музыкант-любитель, он умел произвести выгодное впечатление на вершителей судеб. Теплов поладил и с Разумовским, всеильным при Елизавете. Гетман всегда тянулся к просвещению, а в Теплове он разглядел чуть ли не идеал выучившегося русского человека.

Недруги, как водится, упрекали Теплова в корыстных устремлениях, даже в половой распущенности, — а он служил одновременно просвещению российского, империи и собственной выгоде. С Петром III Теплов не поладил, даже угодил под надзор. Сблизился с Орловыми, участвовал в перевороте против нелюбимого монарха. После воцарения Екатерины он, несмотря на низкое происхождение, утвердился в узком кругу наиболее влиятельных советников императрицы — наряду с Никитой Паниным. Малороссийское на-

правление политики Теплов курировал до последних дней, хотя Румянцев и не думал ему подчиняться. Теплов влиял на него через императрицу.

Инструкции, которые Екатерина направила генерал-прокурору Александру Алексеевичу Вяземскому и Румянцеву, были составлены под влиянием Теплова. Капитальная тепловская записка «О неурядках, которые происходят от злоупотребления прав и обыкновений, грамотами подтвержденных Малороссии» была составлена еще в елизаветинские времена, но Екатерина изучала ее усердно: «Значительное помешательство и неурядок в народе и от того происходит, что козаки, которые особые привилегии имеют от мужиков и особливый труд несут, а именно: отправляют Государеву службу с своих грунтов в походах, а поселение свое имеют по всей Малороссии в посполитых деревнях, как духовных, так и мирских, помещикам принадлежащих. Все Малороссийские города, местечки, села, деревни, слободы и хуторы с пахотными и сенокосными землями, как в лесных, так и в степных полках, не имеют никакого обмежевания; а понеже живут старинными будто займами и фальшивыми по большей части крепостями, а иные ни займом старинным, ни крепостью, но грабежом и наездом сильный на бессильного; к тому же козаки во всех деревнях, селах, местечках и городах перемешаны с мужиками: то из того последовал различный вред, как собственно самому народу, так и в интересе Вашего Императорского Величества превеликий ущерб: 1.) Помещики Малороссийские, живущие по большей части ни у каких дел, по своим хуторам, или деревням, праздно, в том главное упражнение имеют, что за леса, за тростники, за степи, за мельницы, за подтопы плотин, друг на друга наезды делают вооруженною рукою, и из того рождаются многие смертоубийства. 2.) Вступивши в процесс, волочатся лет по десяти и двадцати в разорение дому своему, судьям в несказанную корысть, а главному суду по апелляциям в бесконечное обременение ябедническими процессами, и сие есть собственное их разорение. 3.) Ущерб Вашего Императорского Величества интереса есть главный тот, что козаки живут в великом неурядке, яко разбросанные по разным местам от своего сотника, и находящиеся в руках у разных помещиков, яко крестьяне; почему сотник, имея их поселение на великом расстоянии, и в порядке содержать их не может; ибо, хотя всякому помещику в универсалах гетманских, при надаче деревни, писывалось прежде и ныне пишется, что помещикам до козаков и их грунтов в деревне, селе и местечке том, которое помещику принадлежит, дела никакого нет; однако же, как возможно, чтоб козак бедный и беспомощный воспротивился сотнику в сотне, а сильному помещику в том селе, или деревне, где он козачествует? Всякий сотник не успеет только на сотню свою приехать, то козаки первые строители дому бывають, первые сенокосцы для его скота и первые подводчики, не упоминая о прочих разорениях. 4.) Первый промысел козачий, которым они себе малые деньги в год промышляют, есть тот, что козаки, по снятии с поля хлеба, перецеживают его на горячее вино, и то продают у себя по домам, чего ради всякий козачий дом не что иное, как шинок. Последовательно то самое причиною и бедности их; ибо козак, запившись, не много уже помышляет о хозяйстве, и сеет, и жнет хлеба не более, как лишь бы стало ему на зиму с детьми; а хотя бы земля плодородная и принесла свыше трудов его что излишнее, но он, привыкши к плодородию земли, не чувствует, и хлеба с поля не больше снимает, как сколько ему про всю его хату надобно до нового, а временем за леностию и того не умеряет; и гетман временем принужденным себя находит особливые ордера о снятии хлеба, без успеха

в том, посылать; чего ради иногда малый народ, или саранча, то есть мужики, остаются без пропитания и мрут с голоду, или отдаются в работу и подданство тем, которые на таковые случаи, не редко бываемые, с запасом живут; а это наиболее делают старшины и их свойственники. 5.) Живущие козаки в деревнях, местечках и селах помещичьих и земли свои имеющие в одной границе, исчезают и перерождаются на мужиков, следующим образом. Помещик столько у себя выщеживает вина, что всегда вышинковать в своих местностях не может, чего ради большую часть раздает из известной части вышинковать козаку в своей деревне, а ищет к таковому делу из таких козачков, которые бы удобнее у него забраться и замотаться могли; напоследок, когда столько козаку задаст, что уже козак не в состоянии все вино прошинкованное выплатить помещику того же села, то помещик, вымучив у него облик, то есть правным обязательством удостоверение, бьет челом на козака о уплате долгу. Козак, будучи не в состоянии уплатить по облику, то есть по обязательству, судим бывает...» И далее в том же духе — практично и сердито.

Екатерина начала воплощать программу Теплова. Указ об упразднении гетманского достоинства вышел 21 ноября 1764 года. Разумовский, не имевший армейского опыта, в утешение получил чин генерал-фельдмаршала, которого и Румянцев в то время не имел. Но он стал человеком прошлого — и, подобно другим видным елизаветинцам, надолго отбыл в Европу, хотя умер все-таки на родине, в Батурине.

В любой империи хватает геополитических противоречий, унифицировать все области обширного государства непросто. Но Екатерина упрямо стремилась к немецкому порядку... Как относиться к малороссам? Народ православный, несомненно родственник русскому, с общими историческими корнями. Раздробленность и татарский напор некогда прервали общую судьбу русских славянских племен. Екатерина неплохо знала историю Киевской Руси, даже пьесу написала о легендарном Рюрике — первом нашем князе. Весьма примечательная пьеса! Императрица ощущала необходимость в государствообразующей мифологии. Не она первая, не она последняя. Но немногие монархи находили время на создание историософских концепций или, тем паче, мистерий.

«Малая Россия, Лифляндия и Финляндия суть провинции, которые правятся подтвержденными им привилегиями, и нарушить оные отрешением всех вдруг весьма непристойно б было; однако ж, и называть их чужеземными и обходиться с ними на таковом же основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с достоверностью, глупость. Сии провинции, также Смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб они обрусели и перестали бы глядеть, как волки в лесу. К тому приступ весьма легкий, если разумные люди избраны будут в тех провинциях; когда же в Малороссии гетмана не будет, то должно стараться, чтоб и имя гетмана исчезло, не токмо б персона какая была произведена», — писала Екатерина генерал-прокурору Вяземскому. Схожие инструкции (весьма подробные и обстоятельные) получил и Румянцев.

«Наставление, данное графу Петру Румянцеву, при назначении его Малороссийским генерал-губернатором» предписывало следующее: «Прежде всего должны знать порученную вам губернию по всем положениям ее окрестностям и для того иметь верную карту в такой подробности, чтоб полки, города, местечки, села, деревни, хутора, отхожие и монастыри, пустыни, заводы и всякие, какие бы ни были селения, также реки, озера, болота, леса, пашенные земли, степи, проезжие дороги и как прилежащие внутренние

рубежи с великороссийскими и новороссийскими губерниями, как государственная граница с Польшею и Турецкою областью в ней обозначены были. Сверх такой генеральной карты всей малороссийской губернии, надобно вам иметь разные специальные... Из таких карт, планов и чертежей составляемая книга может скоро сделана быть...».

Предписывалось обратить особое внимание на «великое тамошней земли плодородие, а напротив того о прямом устройении оной общее земледельцев нерадение заслуживает також особого примечания вашего. Трудом своим полагают земледельцы уже избыточным награждением, когда могут только от одного лета до другого прибавиться нужным содержанием своим и временно удовлетворять алчбу свою к пьянству; большая же часть помещиков, по пропорции почти равным последую праздности нерадения правилам, и не пользуются, как бы надобно было, плодородными землями своими и многими другими благорастворенного климата тамошнего преимуществами... разные продукты употребить в обращение как внутреннего, так и заграничного торгу...». За этими словами чувствуется политическая хватка, очевидны и сложность задачи, и конфликтный характер ее выполнения.

Вдалеке от столицы

Тогда, в 1764 году, Румянцев не понимал твердо: милость это или опала? Вроде бы его, самого прославленного генерала Семилетней войны, устраняют подальше от столицы. С другой стороны, Малороссия — стратегически важная территория, близка к Турции и Польше — к будущему театру военных действий. Война с османами назревала. Да и жить там Румянцеву нравилось.

Он стал президентом Малороссийской коллегии, располагавшейся в Глухове, и заодно был назначен Малороссийским генерал-губернатором. После упразднения гетманства это была главная должность в тех краях. А последним гетманом так и остался вплоть до XX века непосредственный предшественник Румянцева по управлению Малороссией — Разумовский.

В пространных наставительных рассуждениях особо подчеркивалась своекорыстная роль пресловутой малороссийской старшины, которая старалась разжечь ненависть к империи (а то и попросту к русским) среди простого люда. «И как та ненависть особливо примечается в старшинах тамошних, — подчеркивала императрица, — кои, опасаясь видеть когда-нибудь пределы беззаконному и корыстолюбивому их своевольству, более вперяют оную в простой народ, страшая его сперва нечувствительностью, а со временем и совершенною утратою прав их и вольности, то нет сомнения, чтоб они при настоящей правления их перемене тем паче не усугубили тайно коварство свое, что пресечение прежних беспорядков и установление лучших учреждений не будет согласовываться с их прихотями и собственною корыстию».

Наставления не пропали даром. Румянцеву придется долго взвешивать на аптечных весах качества и повадки разных социальных слоев Малороссии. Он обживал, познавал эти края. Впрочем, генерал всегда чувствовал себя в Малороссии своим человеком — даже местное певучее наречие любил и знал. Во-первых, он не стал устранять всех сотрудников Разумовского — со многими даже наладил добрые отношения. Во-вторых, показал себя защитником экономических малороссийских привилегий — и быстро снискал уважение общества.

Весной 1765 года Румянцев с основательным багажом прибыл в Малороссию — и тут же принялся объезжать вверенные ему области. Практические

соображения и наблюдения он изложил в «Записке о усмотренных в Малой России недостатках, о исправлении которых в Малороссийской коллегии трактовать должно». Что представляла из себя Малороссия в 1764 году? Она мало чем напоминала привычную современную Украину. Твердых границ не было. Казачество, некогда воинственное, переживало не лучшие дни. Деревня не процветала, хотя, пожалуй, и не отставала от губерний срединной России. Румянцев недурно знал Украину, любил этот край, но ненавидел главный местный недостаток — разболтанность.

В первые полтора года малороссийской службы Румянцев действовал активно, оживлял местное чиновничество свежими идеями. После первой поездки по краю предложил коллегии произвести генеральную опись Малороссии. Цель этого предприятия — увеличение податей в казну, разграничение казаков и крестьян, определение имущественного состояния малороссийских подданных империи. Заботилась Екатерина и о закреплении малороссийских крестьян. Она строго наказывала Румянцеву бороться с крестьянскими переходами. Малороссийские старшины должны были стать полноценными крепостниками. Беглых наказывали, но призывали вернуться к хозяевам, обещая прощение. Крестьянские волнения не прекращались до кончины Румянцева, продолжились и при новых правителях Малороссии. Несколько раз для тушения социальных пожаров пришлось применять армию.

А опись шла своим чередом — год за годом. Ревизоры отправились по городам с писарями и солдатами. Переписывали не только людей, но и имущество — вплоть до свиней. Опись содержала сведения и о болезнях, и о распространении ремесел, о пожарной безопасности, о нищих. Начиналось все резво, но в результате работа затянулась на несколько лет и прервалась с началом Турецкой войны, в 1768-м. К тому времени румянцевские ревизоры успели описать около 3,5 тысячи населенных пунктов.

Когда опись только начиналась, полководец уже определил первую проблему местного казачества и крестьянства — пьянство. В нем — корень бедности и отсталости, не говоря уж о разболтанности. Ежедневно сталкивался правитель Малороссии с казацким вопросом. Загадочное происхождение запорожских казаков порождает немало фантастических легенд. Исследователь М. К. Любавский в конце XIX века утверждал: «Как в Великороссии, так и в Малороссии казак является сначала отхожим промышленником, ищущим заработков на стороне, чаще всего на степном приволье. Это степное приволье притягивает к себе выходцев из разных местностей Руси, чаще всего из окраинных. Выходцы, в видах самозащиты, группируются в вооруженные товарищества, вокруг отдельных вожаков — атаманов. С течением времени степи начинают колонизоваться этими выходцами, которые устраиваются в них на постоянное жительство, сохраняя свою военную и общинную организацию. В степях появляются казацкие хутора, казацкие слободы, являются домовитые казаки, начинается земледелие. Так было и в бассейне Днепра, так и в бассейне Дона. Казаки — не остатки каких-то древнеславянских вольных общин на пограничье русской оседлости, а вооруженные артели промышленников, вытянутых из пределов этой оседлости пустотой степей. С пограничья шло в степь больше всего народа, но и внутренние области государства давали в казачестве известный процент. Весьма вероятно, что самое слово «казак» зародилось в тюрко-татарской сфере и отсюда перешло и в гунезские колонии, и на Русь, для обозначения добычни-

ка, степного промышленника, человека, живущего отхожими промыслами. С течением времени оно стало прилагаться к тому разряду людей, которые в наших летописях и венгерских грамотах называются бродниками... Как казачье землевладение не было исконным фактом, а развивалось с течением времени, так и казачья автономия, казачья политическая свобода не была исконным фактом, а развивалась с течением времени».

До Румянцева русские полководцы относились к казакам опасливо, а то и пренебрежительно. Считалось, что они не способны воевать по правилам — и догматиков это ставило в тупик. Румянцев к правилам относился без лишнего почтения, выработал собственное мнение о роли кавалерии в современной войне — и практика показала, что именно казаки могут стать решающей силой, например, для разведывательных операций. Считалось, что русская конница уступает и пруссакам, и австрийцам, и французам. Это мнение сохранится в Западной Европе и ко времени наполеоновских войн. Разумеется, русские полководцы, при всем уважении к гусарам Фридриха, с такой оценкой не согласились бы. Служа под командованием Румянцева, Суворов детально разработает боевую тактику для казачьей конницы. Да и в сражениях, которые дал Петр Александрович, казаки участвовали непременно — и на прорывных участках. Казачьи разъезды — гроза вражьих арьергардов, лучшие разведчики и неукротимые храбрецы — незаменимы в любом походе именно с румянцевских времен.

Превратившись в империю, Россия нуждалась в логичной светской идеологии: церковь уже не исчерпывала общественную потребность в нематериальной мотивации. Проблемы накапливались десятилетиями, по принципу «При Петре — прореха, при Екатерине — дыра». И неудивительно, что в екатерининские годы зародилось сразу несколько идеологических проектов. И будущая Украина оказалась на перекрестке всех геополитических схем. Двадцать лет Румянцев был хозяином земли Малороссийской — дольше, чем Владимир Щербицкий возглавлял компартию Украины. После первой екатерининской русско-турецкой войны он станет фельдмаршалом и богачом. Авторитет Румянцева тогда вознесся до небес.

Даже известный теоретик украинского национализма Михайло Грушевский признавал, что украинская старшина в большинстве своем удовлетворялась предоставленными ей сословными правами и выгодами и примирилась с утратой автономии. Румянцев привил малороссам служебные амбиции имперского масштаба. Мудрец, остроумец, все знавший о человеческих слабостях, Румянцев играл на шляхетском честолюбии, как на балалайке. Конечно, помогала и громкая полководческая слава. В политических делах Петр Александрович не был столь энергичен, как на поле брани. Частенько относился к обязанностям по-фамусовски — барственно и равнодушно. Его куда сильнее волновали философские вопросы, таящиеся в книгах, чем хозяйственные неурядицы и вечные тяжбы помещиков... Постарев, Румянцев окончательно отгородился от головоломной суеты. Много читал и размышлял, выглядел заправским мудрецом. При этом почти все вокруг уважали его.

Главное — он умел ладить с людьми, в том числе и с женами влиятельных господ. Многим нравилась обходительность Румянцева — радушного, учтвого хозяина. Частенько он дипломатически заболел. Но спеси не допускал, со всеми держался с аристократической простотой, которая во все времена редка и ценится на вес золота. О приступах меланхолии и мизантропии

знали только родственники полководца. Он не ужился с женами, годами не общался с сыновьями, держался с ними, как скупой рыцарь. Столь строгое воспитание оказалось действенным: поколение сыновей фельдмаршала не посрамило род Румянцевых. Конечно, во всех начинаниях помогала и громкая полководческая слава. Он жил-поживал на проценты с Ларги и Кагула. Даже отпетые наглецы не решались беспокоить фельдмаршала житейскими мелочами — понимали, что он причастен к делам истинно славным.

А под боком у малороссийского правителя в суицидальном припадке демократии маялось некогда могущественное польское государство. С удовлетворением полководец наблюдал за тем, как некогда опасный соперник России превращался в большого человека Европы. Речь Посполитая впала в зависимость от России. Разумеется, гордых поляков это не устраивало — и в стране бурлили революционные настроения. Движение Тадеуша Костюшко было попыткой революции не против монархического строя, но против внутренней слабости королевства, и, конечно против грозного восточного соседа. Удивительно: Петр Александрович вроде бы олицетворял уничтожение малороссийской самостийности! Но украинские националисты вспоминают его незлым тихим словом... Знать, века не развеяли чар его обаяния. Да и возникло среди малороссов благодарное чувство по отношению к знаменитому герою, который полюбил Украину и не покинул ее. Румянцев добился, чтобы к малороссийской шляхте в Петербурге относились как к дворянам. До этого их ведь и в Кадетский корпус не принимали... Эта мера была полезной для всех: способные, талантливые малороссы отныне служили России. А Россия их за это награждала — в имперских масштабах. Как-никак страна великих возможностей!

А скольким малороссам — честолюбцам и служакам — Румянцев помог в карьере! Самый известный из выдвиненцев Румянцева — будущий граф и даже князь Безбородко, крупнейший дипломат и администратор, влиятельнейший «екатерининский орел», не утративший первостепенных позиций и при Павле I. Малороссом был и любимец фельдмаршала Петр Васильевич Завадовский — сын казацкого старшины. К Румянцеву он всю жизнь относился с сыновней благодарностью, был его агентом при дворе Екатерины. Карьера Завадовского блистательна: он побывал фаворитом императрицы и долгие годы возглавлял большие просветительские проекты. При Александре I он заслуженно стал первым министром Просвещения империи.

Эпилог

Когда в 1782 году на Малороссию были распространены обычные порядки Российской империи в смысле административного управления, никто и не охнул. Казачьи полки были переформированы в регулярные — и без серьезных эксцессов. Как будто Румянцев загипнотизировал потенциальных бунтарей. Или доказал большинству, что совместное существование выгоднее? Вот так, по мнению историка Ульянова, Малороссия «из рассадника смут превратилась в опору трона». В Ташани Румянцев выстроил себе внушительный дворец, в котором, однако, жил скромно. Удил рыбку и философствовал. Замаливал грехи и страдал от недомоганий. Так прошли закатные годы полководца, десятилетиями не покидавшего надолго пределов Малороссии.

Когда-нибудь на Украине еще появится памятник Румянцеву — и никто не свергнет его с пьедестала. ◆